Москва
6 ОКТ. 1948

Ф. ХОЛОДОВ

ПОЛВЕКА СЛАВЫ

Накануне юбилея МХАТ СССР имени Горького (1898-1948)

Сентябрь 1898 года... Театра еще нет,— есть только здание в Каретном ряду, где хозяйничают белые пантеры и мавры. Еще неизвестно, как он будет называться, Общедоступный театр? Драматический театр? Московский театр? Театр общества искусства и литературы? Не уже есть группа — тридцать девятнадцать молодых актеров, которым суждено прославить русский театр. Уже Немирович-Данченко репетирует в сторожке дворника ученицы дяди Федора с выпускного фильма Ивана Ивановича Мосжухина. Уже Станиславский вчитывается в чеховскую «Чайку», пока еще на полях режиссерского экземпляра, рождаются знаменитые впоследствии мизансцены. Уже близится утро 14 (27) октября, когда перед первыми зрителями Художественного театра разыграется заглавие и пресмешки произнесут первые фразы пьесы графини А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович»:

— На это дело крепко надеюсь я.

...Шел только второй сезон и жизни молодого театра, а Чехов уже с уверенностью утверждал, что «Художественный театр — это другое, это чудо, страшное — вполне, которое будет когда-нибудь написано с седьмичным русским театре». Сколько же новых блистательных страниц написано театром с тех пор?

Пятьдесят лет... И каких лет!

Вдуматься только в эти слова: Московский Художественный Академический театр Союза ССР имени М. Горького...

Московский...

Этим сказано многое. МХАТ — именно московский театр, — и не по месторасположению только, а по происхождению, по духу, по традициям, по пониманию русский. Трудно представить себе Москву без МХАТ. Невозможно представить себе МХАТ вне Москвы.

Художественный театр — высшее достижение русского национального искусства, — не по чьему-то театрального. Мхат представляет сверхчистый русскому гению, чтобы стало возможным появление таланта театра. Надо было, чтобы Пушкин раскрыл величие русского духа, чтобы Толстой с гениальной мощью нарисовал жизнь страны и обозначил шаг вперед в мировом художественном развитии, чтобы от Гоголя и Чехову передавалась великая любовь к маленьким простым человекам. Надо было, чтобы ярославец Федор Волков загорелся любовью к театральному действу, чтобы Волконский зажег без сатиры над невежеством и подлостью, чтобы Щепкин сорок лет создавал репертуар российского театра. Надо было, чтобы юный Гликерия прислушался к задушевной русской песне, что грустной, то грустной, чтобы Ермолова могла полжить на потчитайшие движения душе человеческой, чтобы Мусоргский перевел внешний сонет и драматизм своей гениальной, а Врубелевский — в гениальные краски, чтобы Суриков создал свои бессмертные исторические полотнища, чтобы Рерих щедро насеял свои полотна сотнями русских людей с их горестями и радостями, чтобы Шаляпин мог пронести свой голос, чтобы выразить все очарование русской природы. Надо было, чтобы Москва мог потрясать сердца, чтобы Щепкин сочинял законы просцениума на сцене, чтобы Станиславский мог исследовать грядущие или горькой судьбиной своих обреченных героинь.

Надо было, одним словом, чтобы русский народ создал свое могучее национальное искусство, чтобы воспреемлющие лучшие традиции лучших русских художников, бесподобный реализм, верное служение общественным интересам, героическое сотрудничество в народной доле, Художественный театр, рожденный на рубеже двух веков, вобрал в себя все эти чудесные традиции, накренив сквозь свою судьбу с судьбами великой отечественной литературы и было, в известном смысле, как бы итогом всего прежнего, ступенчато развитого национального русского искусства.

Не случайно первая же заграничная поездка МХАТ в 1906 году принесла театру всемирное мировое признание. Европа увидела больших самобытных мастеров русского театра, сказавших новое слово в истории мирового искусства.

Слава Художественного театра была, сам, что называется, по-то, первоначальная и прямые, были обращены к бренному. Этим-то и объясняется, что в первые годы существования дивиза Прекрасной культуры на Запада в Европе, Европа идеологической театр профессиональных демократических устремлений.

Когда в Москве впервые разгнулся знамени Художественного театра, Владимир Ильич Ленин был за многим тысячи верст от большинства столицы — в сибирской ссылке, в Шушенском. Только в февраль 1900 года ему удается — и то нелегально — побыть в Москве. И в один из вечеров Владимир Ильич, рассуд будь отпаванным полицией, посещает молодой театр. Ровно через год, 20 (7) февраля, вынужденный покинуть свои родины, Владимир Ильич пишет матери из Минусинска: «Бывала ли в театре? Что же за новая пьеса Чехова «Три сестры! Видела ли ее и как пишет? И читала ли газеты. Прелюбопытно пушкет в «Художественном-Общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение и прошлое году...» (Наложили, кстати, что премьера «Трех сестер» состоялась всего за месяцем до этого письма, как знаменитые слова Ленин на своего далека за успехами нового театра!).

Сама возможность появления такого театра, как Художественный, была предсказана Ленином в истории мировых событий, направленных в сторону революции.

Художественный...

Чтобы понять, какой смысл знаменитая основатели театра в этом слове, надо понимать, что подлинный театр называется «Художественно-Общедоступный». Это — по-русски сосредоточенно сосредоточенное. Оно подчеркивает демократический характер направления, которое сразу же взял молодой театр. «Не забывайте, — подчеркивал Станиславский в речи на открытие репетиций,— что мы стремимся осветить тысячную жизнь более широких масс». Мы стремимся создать первый разумный, нравственный общедоступный театр в этой жизненной среде мы посвящаем свои жизни. Это значит, что театр не замыкается в решении собственно-эстетических задач, не ставит перед собой лишь узко-художественные цели.

Художественный театр отобрал новую главу в истории сценического реализма. Его искусство было создано новаторским. Мировой театр не знал такого абсолютного подчинения всех средств сцены задачам отображения жизни. Не знал такого совершенного и безукоризненного ансамбля; такой властной и тонкой режиссуры; такого распределения творческих сил актера. То, что прежде было лишь отдельными случаями великих гениальных артистов, Художественный театр сделал достоянием всей труппы в целом.

Однако, чтобы понять суть эпатажных мотивов, надо задать себе вопрос: разве есть все это в жизни? Ответ мы получаем единственной записи того же Станиславского, сделанной еще в 1889 году, почти за десять лет до создания Художественного театра: «Искусство, что есть самый верный, который ближе ведет к правде, к жизни. Чтобы любить до этого, нужно знать, что такое жизнь и правда».

Все мои краски, все мои жизни — вот краски.

Нужен был в канун первой русской революции этот пресловутый поиск правды о душевной и общей жизни, о людях, которые незыблемы такая жизнь, о людях, которые сказались на самом дне жизни, о людях, которым возможны такие надежды и такие пороки. Надо было кому-то сказать: плохо живете, люди! Надо было напомнить: человек — это ему звучит гордо! Надо было кому-то предсказать: грядет буря!

В этом и была миссия Художественно-общедоступного театра.

Сама история, выпавшая в жизни драматургии Чехова, в затем драматургии Горького, сделала знамения в теме, которой нет бы воплотить на сцене человеческие и горькие образы.

Мир чеховской драматургии был особенно близок молодому художественному. Да, так жить нельзя, — это сам знает тот, кто в каком! Что надо делать, чтобы изменить течение жизни? Ответ они сами не знали, как не знали этого и переживания человеческих нас.

Зритель кодиен в Художественный театр «Три сестры» — ждет, что в этом, что в гостя к семье Прозоровых. Так же сидит на усадьбе Сорина («Чайка»), Серебряковы («Дядя Ваня»), Раневской («Вишневый сад»). В чеховских спектаклях на сцене тогда стали доподлинные жизнь — историческая, описанная. Все было — сплошно было, как вернуда сверчок за печкой, обвивала время часы на стене, доносила в стуи сонной галиарки, в звуи отдаваюцем внимания, в пересуды тапоров, рублевых вишневый сад. Здесь все было естественно и вместе с тем поэтично — и исследовано, и исследовано, выскакивное и невыскакивное. Или звуки были красноречиво сдеи. Режиссерские инсинуации человеческие пьес исцеряемы поистинам: пауза, сауза, пауза,— да так вы прислушаться к тому, что в нем происходило, исходя сам — и вы поймете. Но лишь в исполнении спектаклях атмосфера предчувствия больших перемен. Как нами, звуки тяжелые, тревожные слова: «Колесо, колесо, колесо». Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно. Не ель были, были и другие слова, от которых расцвелись улыбки надежды и душевным ладе. Услышаны были в «Трех сестрах» вещие слова Бальзаков о «Вишневом саде». Услышаны были голос Начаева в «Вишневом саде»:

— Здравствуй, новая жизнь!

Если бы задача молодого театра была только в том, что он стоящ для сцены «Вишня, — ее ведь не выкинешь», то почетнейшего места в истории русского сценического искусства. Не Художественный театр сделал больше: он продолжил поиски эти глубоко Горького.

Тогда в пьесах Горького, в пьесах «Дна» и этого события: в пору тягчайшего самодержавного гнета Художественный театр шагу за другой ставит три пьесы первого и крупнейшего пролетарского писателя — «Мещане», «На дне», «Дети солнца».

Место тоскующих и мечущихся чеховских героев пьеса парижской мансарды Нил, небывалый еще в литературе и на сцене герой. Как оратор-трибун звучат его сокрушные, уверенные слова:

— Начато! Лапа возьмет!

Значение Горького в становлении МХАТ кратко и точно сформулировал сам Станиславский: «Пьесы Горького в эпоху сгустка общественно-политической жизни в нашем театре был М. Горький».

Период наибольшего расцвета в дооктябрьскую пору истории Художественного театра совпал с периодом, что мы называем (в отсутствие определенных принципов, уклонений то в идеалистическую условность («Жизнь человека» Л. Андреева), то в мистическую символику (постановка «Гамлета» в театре Гордона Крэга) — в то же время в этом же театре начинает утверждаться Достоевским, ставит «Братья Карамазовы», инсценирует «Бесы», что выдывает активный протест Горького.

В самом театре тоже начинают понимать неправильность взрывных шатаний, особенно во времена начала нового общественного подъема. Большевистская газета «За правду» (1913 г.) о художественном отмечает статью «Современный театр и рабочие»: «Станиславский все время носится с мыслью создания театра для огромных народных масс; он внимательно следит за работой одного из режиссеров Художественного театра, Сургуладзе, который специально занимается с группой рабочих. Чуткий к движению новых сотрудников. Ясно, сознает, что или создания театра для огромных народных масс» не могла быть осуществлена в тех условиях.

Театр пополнят и шестнадцатый репертуарный год. В сезон 1915—1916 гг. был показан только один новый спектакль. В сезон 1916—1917 гг. — ни одного.

В речи на 25-летнем юбилее МХАТ Немирович-Данченко говорил:

— Мы отлично помним и сознаем, что перед самой Великой Октябрьской революцией мы были в состоянии полнейшей растерянности... Мы все сейчас великолепно сознаем, что если бы не было Великой октябрьской социалистической революции, наше искусство потерялось бы и заглохло. Искусство Художественного театра не потерялось, не заглохло: грянула революция.

Академический...

Этого высокого звания МХАТ был удостоен в числе первых в числе немногих прославленных театров страны. Это означало признание молодым советским государством огромной культурной и художественной ценности театра. А. В. Луначарский, бывший в то годы народным комиссаром просвещения, принадлежа впоследствии знаменитальную фразу Владимира Ильича Ленина: «Если есть театр, который нужно сохранить, это преждаю всего тот, что стало своим и сохранить»,— это, конечно, МХАТ».

Художественный театр принял звание Академического по как официоз правительства, а как этап передовой, прогрессивной, народной, требовательности. Он не заботил быть театром-мужем, демонстрирующим перед новым зрителем сокровища старой театральной культуры. Он не хотел, чтобы его называли, уже признанным классическим, частным бы в найденных — пусть прекрасных — формах. Он стремился быть современником своих зрителей.

Художественный театр переливал свое вторую молодость — рождение советского Художественного театра.

Замечательное поколение людей, сверкнувшим величайшим в истории революции, наполнило зрительный зал Художественного театра. В дни отставания Великой Октябрьской революции в репертуаре театра: МХАТ поставил «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова, Художественный театр сумел, по прекрасному выражению Луначарского, заглянуть в революционную грудь страны.

Трудно переоценить значение этого спектакля в истории не только МХАТ, но и всего советского театра. Большевистская партия, руководящая и направляющая, идеи советского патриотизма и пролетарского интернационализма сверкали сквозь время светом большой, взывающей правды.

Вершинами, Хмелев — Вершинин, Хмелев — Бесчеловек, Баталов — Васька Окорок, Кедров — начальник Сиз Бин-у — все эти образы по праву считаются классическими созданиями советского театрального искусства.

Совместный труд МХАТ с Всеволодом Ивановым был «Бронепоезд» был только начало той огромной работы, которую проделал Художественный театр для приобщения к сокровищам мировой культуры современного репертуара. МХАТ превратился в своеобразную лабораторию советской драматургии. Иванов, Тренев, Леонов, Катаев, Афиногенов, Корнейчук, Вирта, Погодин, Сергеев-Ценский — таков неполный перечень писателей, творения которых унесли свет рампы Художественного театра. Вслед за «Бронепоездом» театр в творческом содружестве с драматургами создает целый ряд выдающихся советских пьес — «Любовь Яровая», «Страх», «Платон Кречет», «Земля», «Глубокие разведки».

Творческие успехи МХАТ в создании современных и классических репертуарных произведений мудрости и плодотворности театральной политики советского государства и великого дуча искусства — товарища Сталина. Партия теплой рукой поддерживала театр, воплощающий лучшие традиции русского реалистического искусства. Великая рука МХАТ в борьбе, которую партия вызывала мне в мире против всякого сектантского и формалистического, формалистического штукарства в театральном искусстве.

О каждым годом мастерам Художественного театра все более проникаются великими идеями партийности искусства. МХАТ становится большей и активной силой в решении дела коммунистического воспитания народа.

Колоссальный творческий поиск МХАТ, творческая обобщенность и труды Станиславского и Немировича-Данченко, давно стал незыблемой основой воспитания актера и создания спектаклей.

Значение Художественного театра для развития советской и мировой культуры огромно. Влияние МХАТ на весь интеллигентный театр страны социальным лицо и многообразно.

Театр Союза ССР...

МХАТ — единственный из драматических театров, который удостоен права носить называться. В действительности — это бы называться. Его творческая масштаба и значения, театр, всенародно признанный и любимый.

Все мы помним, хотя тому уже более десяти лет, как полнейшего во всех газетах сообщение ТАСС о присвоении «Аллы Бирнной». Сообщение называлось: «Большая творческая победа МХАТ СССР им. Горького», «Лучшие премьеры был исключительный. — говорилось в сообщении. — Присутствующие на спектакле товарищи И. В. Сталин, Каганович, Молотов, Жданов горячо аплодировали вместе со всеми залом».

Великий Сталин и его соратники, горячо аплодировавшие вместе со всеми зрителями, в знак высокого признания и всенародной любви и Художественному театру Союза ССР.

Высокая оценка МХАТ советским народом нашла яркое выражение и награждение театра дарма орденами. К пятидесятилетию театра добавлены гордые слова: орденоносец Ленина и Трудового Красного Знамени...

Художественный театр был выдумал его основатели — на театр общедоступный? Родилось осуществить мечту основателей театра. Не теперь Художественный театр стал большим, чем общедоступным: он стал общенародным.

В годы Советской власти МХАТ сыграл более 16 тысяч спектаклей. Это значит, что в кресах Художественного театра перебывали миллионы советских людей.

Лучшие спектакли МХАТ — это всегда спектакли, которые, как сказал Станиславский, обогащают душу и помыслы, вселяют веру в творческие силы человека, в историческую правоту и неизбежность нашего великого дела. Правдивость, мощность, идейность — вот что такое спектакли Художественного театра.

Стоит советскому человеку, где бы он ни побывал на юге — при-войне на Крымских встречах, или в мирных стенах Дворца Советов, — в Берлине — стоит ему только вспомнить свое посещение Художественного театра, как сразу возникнет праздничное в сознании. Неприемлемо сознание чувство гордости и любви, обновляющее и радостное.

Еще раз говорит каждому советскому человеку имена Качалова, Москвина, Леонидова, Тарханова, Книпер-Чеховой... Сколько незабываемых образов принесли эти имена! А второе поколение мастеров МХАТ — поколение, вырастившее Станиславского, — Хмелев, Кедров, Тарасова, Добронравин, Тарасова, Ливанов, Ершов, Прудкин, Орлов, Анджиевская, Еланская, Стеблова, Масальская, Попова, Еторина... С радостью чуть ли не в каждой новой постановке встречаем прекрасные новые для нас яркие талантливых исполнителей. Это — молодежь МХАТ, его будущее, достойные преемники славы первых двух поколений.

Сознание люди привыкли видеть в спектаклях МХАТ прекрасную и талантливую художественную летопись своих дней и лет. В годы войны, когда советские люди сражались за честь и независимость своей родины, в Москве, в Ташкенте, в тылу сумел отразить героизм народа и тающие выдающиеся спектакли, как «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова, «Ленинград» Вирты, «Дни войны»,— «Поединок» К. Чирскова и «Дни и ночи» К. Симонова. Замечательное стремление советского народа видеть на сцене своего театра правдивые, суровые и яркие картины своего прошлого вынудил Центральный Комитет нашей партии в своем историческом постановлении «О репертуарных драматических театрах и мерах по его улучшению» — вынудил — говорить о полным признании своей ответственности уборщиц трудящихся свойственно Художественному театру.

Великая социалистическая революция произвела в Художественный театр одобрения, но и создала условия для великого его расцвета. Художественный театр — лучшие социалистической культуры. Наша слава, наша гордость.

МХАТ давно уже стал явлением мирового масштаба. Заграничные гастроли в 1922—1924 гг., а затем поездка театра на всемирную выставку в Париже в 1937 году окончательно утвердили его всемирную славу. Честные зарубежные художники единодушно признают советский театр лучшим театром мира. Все, что есть в современном западном театре передового и прогрессивного, сознательно или подсознательно, но неизбежно, — все это — влияние Художественного театра.

Имени Горького

Присвоение Художественному театру имени великого пролетарского писателя было актом, знаменательным во многих отношениях. Это было признание стремлений, выраженных в приглашении в программы.

Это было, прежде всего, признание неразрывной органической связи лучших русского театра с русской литературой. Это было признание исторической роли Горького, творчество которого стало основой для МХАТ, главным начинателем и создателем которой был Горький, стала надуной, определившей линию советского Художественного театра.

Это было для театра программой, пло не только поэтому, но и ответственно поставить основательно сценическое прочтение, произведениями новой эпохи в истории мирового искусства.

Театр отвергал создавшие целой серии новых горьковских спектаклей — «В дни Ивана Грозного» Булгакова и другие, «Дмитрия» и другие, «Враги». Эти спектакли, особенно последний, явились подлинным торжеством горьковских идей и горьковского творческого метода на сцене МХАТ.

Но не только пьесы Горького могут служить театру по-горьковски. По-горьковски было многое прочитано в Чехове, в Толстой, в Грибоедове, в Островский: жизнь, как известно, обладает социальной характеристикой, — в ней — в ней — в ней